

День за днем

Папа Малхас

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА

Левон МАЛХАСЯН.
59 лет.
Живет в Ереване.
Джазмен

Есть люди, которые рождены, чтобы быть королями. Поэтому он совершенно заслуженно носит куртку с надписью на спине King of the jazz. Хотя сам он начинает смущенно улыбаться, когда его спрашиваешь об этой наспинной короне.

Он король не только потому, что лучше всех в Армении играет джаз вот уже почти сорок лет. У него королевские манеры, когда он целует дамам руку, мудрый королевский прищур и сумасшедшее августейшее обаяние.

Его руки способны разбудить даже самый безнадежный рояль, а природная хрипотца завораживает. О том, что от короля млеют женщины, и говорить не стоит. А мужчины зовут его запросто — папа Малхас. 90% ереванцев знают его, а оставшиеся 10% знают он, шутят его друзья.

«Как так получилось, — говорит Левон, — да очень просто. Я всю жизнь провел в Ереване. Обездрил более сорока стран, но всегда возвращался домой, какие бы заманчивые предложения мне там не делали. Однажды ко мне пришла молоденькая журналистка. Я ей сразу сказал, что о моем джазе рассказывать не хочу. А она мне отвечает: «И не надо». И попросила рассказать о Ереване моей юности и о том, что с ним сейчас стало. Я сначала опешил, а потом вдруг выдал, что чувствую себя последним вохровцем. Вот так сию, старый сторож, и караулю свой город. Много народу отсюда уехало — кто в Штаты, кто в Европу, кто в Москву. Если я уеду, то кто останется? Здесь в «Поплавке» (джаз-клуб в центре Еревана. — Авт.) уже семь лет я встречаю друзей со всего света. Это моя сторожевая будка. Здесь я храню и пе-
сую армянский джаз».

В начале 60-х Левон поступил в Брюсовский институт на факультет филологии русского языка. Институт он пятью годами позже закончил, но ни дня не работал по специальности. И виноват в этом трофейный радиоприемник, который студент как-то раскопал на чердаке. На нем, преодолевая глушилки и помехи, он ловил американские радиостанции. Раз в неделю записывал на бобины сорокапятиминутную программу «Time for jazz». Потом по кусочкам пытался воспроизвести услышанное — так и осваивал азы джаза.

«У меня до сих пор нет никакого музыкального образования. В том, что касается нотной грамоты, я по-прежнему полный ноль. Но это не помешало мне создать в конце 60-х годов свое трио, с которым мы в 1970-м на всесоюзном фестивале джаза в Куйбышеве стали лауреатами. С того года я начал отсчет своей джазовой карьеры».

Пятнадцать лет Малхас играл в малых составах — трио, квартетах. Второй большой фестиваль в жизни ереванского джазмена случился в 1985 году. Он сам его организовывал, естественно, в родном Ереване. В Большом зале филармонии.

«К нам тогда приехали бэнды и малые составы из 23 городов со всего Союза. Я помню, что именно в тот год я вытащил на сцену никому тогда еще не известного Сережу Манукяна, которого раскопал где-то в Нарве. Это сейчас он звезда. А тогда мы про-

Текст Евгении РУБЦОВОЙ, фото Евгения БУГУБАЕВА

люди

сто мечтали о том, чтобы сделать ереванский джазовый фестиваль ежегодным. В 86-м нам удалось собраться еще раз. А потом в Армении произошло сначала землетрясение, потом война в Карабахе, холод, голод. Джаз, казалось, ушел из Армении вместе с отъездом многих известных музыкантов».

А десять лет спустя открылся «Поплавок». Малхаса пригласили туда «заведовать музыкой».

«Сначала я играл раз в неделю. А потом, как светлячки к лампочке, стали слетаться молодые ребята. Вы даже представить себе не можете, как я был рад, когда понял, что джаз никуда из Еревана не делся. Оказалось, что молодая поросль все эти десять лет затишья играла в холодных квартирах при свете лучин! Сейчас у нас работает уже семь составов».

В «Поплавке» же и родилась идея возродить джазовые фестивали в Ереване. В 98-м году на сцене филармонии играли составы из Штатов, России, Франции, Швеции, Грузии. Ночные джем-сейшены — в «Поплавке». Та же история повторилась и в 2000-м году. Джазмены приехали из одиннадцати стран.

«Помню в одну из фестивальных ночей мы опять играли джем в «Поплавке». Великий Чик Кореа просто-таки обалдел от наших бэндов и в пять утра сам вышел на сцену и сыграл с нами».

Что же такого особенного в армянском джазе? «В Армении повсюду горы, а в горах барабаны. Мы остро чувствуем барабанный ритм, куда острее, чем жители равнин. Ведь джаз вообще родился в ритме африканских барабанов. А в остальном я не вижу особых отличий армянского джаза. Хотя, когда приходится играть где-нибудь за границей, меня сразу вычисляют как восточного пианиста. Сам удивляюсь, вроде никаких восточных сладостей я не делаю?»

Но тут папаша Малхас лукавит. В два часа ночи, обойдя каждый столик в клубе, выпив и обнявшись со старыми друзьями, он садится за рояль. И играет старый вальс в стиле джаз. Пальцы летают по клавишам, правая нога — на педали, левая отбивает ритм вместо горных барабанов. И есть в его музыке и восточная сладость, и африканская страсть.

«У этого вальса интересная история. Много лет назад мы просидели в «Поплавке» с мо-

им приятелем-джазменом до четырех утра. Пили, разговаривали. И решили сыграть в четыре руки на посошок. Еле добрались до рояля. Ответили душу. Поднялись — поздно, расхотелось пора. И вдруг в пустом зале появляются три фигуры. Один из «призраков» представляется режиссером, говорит, что снимает фильм про Ереван и уже год не может подобрать музыку. Потом просит сыграть еще раз тему, которую мы только что сочинили. Аранжировка, оркестровка, говорит, это уже не ваше дело. Я сказал, что попробую. Мы с приятелем опять еле-еле допилились до рояля, сыграли. Наш режиссер все записал на обычный диктофон. Наша мелодия и вправду стала лейтмотивом фильма «Ереван-джан». Единственное, что я тогда попросил, чтобы меня не представляли в титрах как композитора. Какой из меня композитор? Я просто музыкант».

Сколько раз Малхасу сулили золотые горы за границей, столько же раз, наверное, предлагали занять ответственные посты на родине. Отказывался. Это, говорит он, не медицинский диагноз, это ереванская болезнь — неумение жить вне родины. А из всех постов и должностей

принял только одну. Малхас с гордостью достает из кармана красную книжечку — «Почетный гражданин Еревана».

На пороге шестидесятилетия осталась у короля лишь одна несбывшаяся мечта. Зато какая! В Америку, на родину джаза, он съездил и не один раз. Мощный джаз-фестиваль устроил и не один. А вот с джазовой школой-студией никак не получается.

По его задумке, эта должна быть студия для юношей и девушек с семилетним музыкальным образованием. Помимо своей любви к джазу, жизненного и музыкального опыта, Малхас собирается передать школе свою библиотеку и фонотеку, собранные за три с лишним десятка лет. При студии он мечтает открыть джаз-клуб, чтобы было где играть джемы, да и просто играть. Картинка в голове есть, только денег в кармане пока нет.

«В Лос-Анджелесе мне предлагали остаться, взять кредит и открыть школу. Но я ответил: «В Лос-Анджелесе и мой дед откроет, а вы попробуйте в Ереване». Эта фраза очень красиво звучит по-армянски. Поэтому, если вы так и напишете, то все армяне меня поймут», — улыбается с хитрецей папа Малхас.